

Меродий
Буслаев

**Читайте в серии
о Мефодии Буслаеве:**

1. Маг Полуночи
Свиток Желаний

2. Третий всадник Мрака
Билет на Лысую Гору

3. Мечь валькирий
Тайная магия Депресняка

4. Лёд и пламя Тартара
Первый эйдос

**5. Светлые крылья для тёмного стража
Лестница в Эдем**

6. Карта хаоса
Ожерелье дриады

7. Стекланный страж
Танец Меча

8. Огненные Врата
Книга Семи Дорог

9. Ладья Света
Ошибка грифона

10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев

Светлые крылья для тёмного стража

Лестница в Эдем

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложке *Анны Афанасьевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Светлые крылья для тёмного стража; Лестница в Эдем / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2024. — 656 с. — (Д. Емец. Мефодий Буслаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186934-2

СВЕТЛЫЕ КРЫЛЬЯ ДЛЯ ТЁМНОГО СТРАЖА

Когда-то темный страж Спуриус чудом избежал гибели — он отдал златокрылым свой дарх в обмен на жизнь, а проклятие, поразившее его, взяла на себя влюбленная валькирия... И вот много веков Спуриус странствует по земле, постепенно накапливая силу. Он делает ставку на серость — на обычных, равнодушных людей, одинаково далеких от Света и Тьмы и озабоченных только собственным благом. И его могущество растет! Для того чтобы бросить вызов Лигулу, Спуриусу не хватает двух вещей: завещания Кводнона и эйдоса Улиты, обладающего уникальными свойствами. Волей случая и завещание, и эйдос оказались у бывшего наследника Мрака Мефодия Буслаева...

Десятый роман о приключениях Мефодия Буслаева

ЛЕСТНИЦА В ЭДЕМ

Есть в Питере одна самая обычная детская площадка. Горка, турники, песочница... Но на этой площадке начинается лестница из человеческого мира в Эдем! Валькирии и златокрылые охраняли ее всегда. Вот и Ирке, валькирии-одиночке, доверили эту важную миссию. И в сыром утреннем сумраке она на краткий миг разглядела начало длинной прозрачной лестницы, уходящей ввысь... Мрак не в силах увидеть лестницу и не может ее уничтожить, но он попытается ее осквернить. Если на площадке вспыхнет драка и прольется кровь, прямой путь с Земли в Эдем исчезнет. Специальный отдел Канцелярии Лигула, занимающийся проектированием конфликтов и ссор, берется за дело...

Десятый роман о приключениях Мефодия Буслаева.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186934-2

© Емец Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

СВЕТЛЫЕ КРЫЛЬЯ
ДЛЯ ТЕМНОГО СТРАЖА

Кто, наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-либо лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели.

Платон. Пир

Глава 1

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛИШНИЙ

Кушай-кушай, Федора Егоровна!

К. И. Чуковский. «Федорино горе»

Случаются вечера сонные, спокойные, которые мягко, без всплеска, без сопротивления, как перезревший плод падают в ночь. Бывают и другие вечера — буйные, напористые, когда даже тихие люди без повода срываются на крик, а в каждой третьей квартире всхлипывают форточки и грохают двери. И сложно сказать, в чем тут дело — в полнолунии, в атмосферном давлении, в положении звезд или в чем-то более глобальном, темном, что, скромно прячась за кулисами, пытается управлять всеми и вся.

Наконец, выдаются вечера и третьего рода — внешне меланхоличные, тягучие, но скрыто напряженные, балансирующие на грани безумия. В такие вечера прыгают с балконов, рыдают в голос, кусают подушки, делают предложение о вступлении в брак или пишут поэмы.

Вечер, в который возобновляется наш рассказ, был именно такого третьего рода.

Некий ранее не упоминавшийся суккуб русского отдела Мрака Маракаратма, в облике стервозной шатенки с психологического факультета МГУ умыкнувший

первый в жизни эйдос, на радостях гулял всю ночь. Он плакал, смеялся, глушил бокалами эйфорию, лез целоваться к сотрудникам правоохранительных органов, передразнивал Лигула и под утро был унесен в Тартар специально присланным за ним стражем. Больше о суккубе Маракаратме в Верхнем Мире никто не слышал.

Тухломон, за день принесший Мраку четыре эйдоса, буднично зевнул, прилепил отклеившееся ухо и скромно улегся спать в выхлопной трубе автомобиля. Он надеялся, что за те две секунды, что он позволит себе отдохнуть, автомобиль не успеет завестись и уехать. И надежды его оправдались.

Улита сидела в резиденции Мрака за столом, который днем был завален бумагами и заляпан капавшей с печати кровью, и пожирала холодную курятину. Глаза ее светились в темноте, как у кошки. Что творилось у ведьмы внутри и о чем она думала, науке неизвестно, но курицу Улита раздирала решительно, почти с ненавистью.

На кожаном диване, поджав под себя ноги, сидел Петруччо Чимоданов, пахнувший кислой капустой и дорогим дезодорантом. Улита давно уже ничему не удивлялась. Можно быть чистюлей в одном и грязнулей во всем остальном. Например, два раза в день мыть голову и не менять носки по три недели.

Чимоданов был занят. Он расковыривал охотничьим ножом патрон двадцатого калибра. Он высыпал отдельно дробь, отдельно порох и отдельно отложил капсюль. Лицо у него при этом было приятно созерцательное. Глаза блестели как у питекантропа, которому вместо камней предложили забросать мамонта ручными гранатами.

— Знаешь, что будет, если поджечь порох? — спросил он ведьму, задумчиво прокручивая колесико зажигалки.

— На одного дурака меньше, — понадеялась Улита.

— Неверно! Подчеркиваю: порох взрывается только в замкнутом пространстве. А так он просто сгорает, хотя и ярко, но без последствий, — нравоучительно сказал Чимоданов.

Он ссыпал порох в столовую ложку, поднес зажигалку и ойкнул, когда всплеснувшее белое пламя обожгло ему кончик носа. Дальше этого дело не пошло. Порох действительно не взорвался.

— Н-но! Без фокусов! Помни, кто я и кто ты! — укоризненно сказал ложке Чимоданов.

Ложка осознала свое ничтожество и промолчала. Петруччо подул на нее и встал:

— Ну я пошел!

— Куда? — лениво поинтересовалась Улита.

— Хочу попытаться выплавить свинец, — пояснил Чимоданов и, мечтательно улыбаясь, уединился с дробью.

За Петруччо, прихрамывая, бежал Зудука с капсулем. Оба — и Зудука, и его хозяин — выглядели довольными. Они существовали в мире заданных координат, где все было расписано заранее, все расставлено по полочкам. И в этой заданности было величайшее успокоение.

— Сил моих нет! Я кипю, бесуюсь и туплею! Если Эссиорх не вернется в самое ближайшее время, я кого-нибудь съем! — ни к кому не обращаясь, вполголоса сказала Улита.

Пытаясь избавиться от назойливых мыслей, ведьма потрясла головой и с недоумением уставилась на обглоданную куриную ножку, не понимая, откуда она взялась у нее в руке.

— Человек не должен ни к чему привязываться. Он должен любить, бешено любить, всей душой, но не привязываться. Ты поняла это, дура? — сказала Улита не то куриной кости, не то кому-то еще.

Здесь же, неподалеку, Мошкин сотворил ледяную розу и окутал ее пламенем. Пламя плясало на четких гранях цветка, который, хотя и истекал слезами, мистическим образом не таял. Мошкин смотрел на розу, и в душе у него что-то болезненно перекручивалось, будто душа была мокрым полотенцем, а он отжимал ее руками. Евгеша был юн, красив, силен, но сомневался в себе, как сомневается в выигрыше неопытный игрок в двадцать одно, которому разом пришли три семерки.

Ната стояла перед зеркалом, серебряная рама которого закручивалась в форме двух бодающихся козлов. Из стеклянных глубин на нее печально взирали три белых офицера, некогда застрелившихся перед этим зеркалом из одного револьвера, который валялся здесь же, у их ног. Вихрова злилась и шипела на офицеров, чтобы они не маячили. У нее уже второй день чесался подбородок, и она хотела понять, не вскочило ли на нем что-нибудь.

Однако офицеры не уходили. Один — совсем молодой подпоручик с запекшейся на виске кровавой запятой — подавал Нате умоляющие знаки, точно пытается сообщить ей нечто важное. Остальные двое не двинулись и только смотрели. Однако Вихрова была не расположена беседовать с неприкаянными духами.

— Ну разве я не хороша? — спросила она у самой себя и сама себе ответила: — Да, будем откровенны: внешность заурядная. Но что это меняет? Всякой женщине нужна прежде всего норка, все, что в норке, и хотя бы немного личного счастья... Не так ли? Допустим, даже не так, но опять же: что это меняет?

Ната пристально всмотрелась в зеркало и, поморщившись, подозвала Мошкина:

— Эй! Поди сюда! У меня есть что-нибудь на подбородке?

Евгеша послушно подошел и посмотрел глазами раненой лани. Он давно пережил свою любовь к Нате, однако старая любовь, пусть даже угасшая, все равно отдается тупой и мучительной болью.

— Да, есть, — сказал он, вглядываясь в круглый кошачий подбородок Вихровой.

Ната досадливо поморщилась. Ее подвижное лицо пошло мимическими морщинами — странными, несимметричными, но бесконечно привлекательными. Взгляд Мошкина застревал в них как в паутине. Евгеша силой заставил себя зажмуриться. Да, кобра не умрет от укуса кобры, магия не подействует на того, кто родился с Вихровой в один день, но все же несколько мучительных ночей обеспечено.

— Сама чувствую, что есть. Конкретнее, Евгений! Конкретнее! Опиши, что ты видишь! — нетерпеливо потребовала Вихрова.

— Красное пятно! — сказал Евгеша, осторожно, как больная сова, приоткрывая один глаз.

— Большое?

— Примерно с десятикопеечную монету. А большое или нет — не знаю, — сказал Мошкин, привычно обходя конкретные суждения.

Ната с ненавистью поскребла подбородок.

— Вот и я его вижу. Второй день уже чешу. Что это такое может быть, а? Не знаешь?

Но Мошкин знал только, что это красная точка.

* * *

В тот же вечер Ирка сидела в «Приюте валькирий», слушала, как дождь скребет мокрым ногтем по крыше, и разглядывала старые фотографии. Гора Ай-Петри на крымском снимке показалась ей прилипшей крошкой

хлеба, и она машинально подула, пытаясь ее убрать. Зрение у Ирки было неважное, сточенное ночным чтением с монитора. Лишь когда в руке у нее появлялось копьё и она без остатка становилась валькирией, зрение обострялось до невероятных пределов. Но это было уже другое зрение.

Антигон без дела шатался по «Приюту валькирий», заглядывал в пустые чашки, топал по половицам, тревожа мышей, и громко распевал.

— Ты не мог бы культурно заглохнуть? — попросила Ирка.

Голос у Антигона был ужасный и напоминал скрип тележного колеса.

— Это моя любимая песенка! Мне пела ее мама! — обиделся Антигон. — Золотые были времена! Она пела, а я слушал! Лежал на траве, высовывал язык, ждал, пока на него сядет бабочка, и... ам! Или другой вариант: прицеливаешься — и...

Перед глазами у Ирки мелькнул длинный, липкий язык.

— Мимо! А ведь когда-то получалось! — разочарованно сказал Антигон, провожая глазами улетающую муху.

Внезапно люк «Приюта валькирий» с хлопком откинулся, и в него просунулась незнакомая физиономия. Большое, обветренное, довольно плоское лицо. Светлый ежик волос, таких густых, коротких и жестких, что их с ходу можно было пускать на зубные щетки. На могучих скулах играл румянец свекольной яркости.

— Ты кто? — спросила Ирка, но еще прежде, чем получила ответ, по румянцу узнала оруженосца Хаары.

— Привет! Хозяйка приглашает вас на день рождения! — сообщил оруженосец.

Его круглая голова торчала из люка, как арбуз на грядке.

Ирка изумилась, точно забитый мешковатый троечник, которого приглашает в гости самая популярная в классе девчонка и он пугается, не зная, чем объяснить эту внезапную милость. Кого в гости — меня?! А сознание уже подозрительно щелкает на счетах, перебирая варианты. Может, подвох? Может, некому подсунуть на стул сковородку с яичницей? Или дадут левый адрес и после звонка из однушки в панельном доме навстречу ему вылетит рой из семидесяти сердитых корейцев, последователей Джеки Чана?

— Я же валькирия-одиночка! — осторожно напомнила Ирка.

— Да хоть водолаз! Мне сказано: зови в гости. Вот я и зову! — непреклонно заявил оруженосец.

Ирка подозрительно уставилась на посланца Хаары, однако тот только скалился и молчал. Зубы у него были белые, крупные.

— Когда? — спросила Ирка.

Ответ удивил ее еще больше:

— Да прямо сейчас. Все уже собрались. Идемте, я покажу дорогу! — И торчащая из пола голова куда-то укатилась.

«Ну раз все, тогда понятно! Значит, меня за компанию. Типа, всех так уж всех!» — сообразила Ирка, испытывая странную смесь обиды и облегчения.

На сборы у нее ушло не больше пяти минут. Все эти пять минут оруженосец проболтался на канате, не желая ни ждать внизу, ни забираться наверх. Таким странным образом выражалась у него спешка.

— Чего так долго-то? — гундосил он из-под пола.

Ирка плохо представляла, как они будут втроем телепортироваться, а если не втроем, то куда денут оруженосца, однако о телепортации, как оказалось, речь и не шла.

На одной из асфальтированных аллей Лосиноного Острова была припаркована старая иномарка-универсал с тонированными стеклами и лихо торчащей антенной, похожей на тараканий ус. На бампере белела большая наклейка «ВОВАН».

— Вован — это кто? — спросила Ирка.

Оруженосец молча ткнул себя пальцем в грудь. Ирка смутилась.

«Могла бы и сама догадаться! Не такая уж сложная логическая задачка», — отругала себя она.

Магнитола, усиленная сзади двумя здоровенными колонками, гремела и чихала музыкой. Под резину стекла были вставлены диски, якобы путавшие милицейские радары, а на деле лишь мешавшие обзору.

— Садись сзади! У переднего сиденья спинка хрюкнулась! — сказал оруженосец.

— Из-за чего?

— Таамаг подвозил, — мрачно поведал Вован.

Ирка послушно попыталась сесть сзади, но там уже все было занято здоровенной битой. Рядом с битой лежал аккуратный мячик.

— А мяч зачем?

— Чтоб дяди с палочками поверили, что я бейсболом занимаюсь! — пояснил Вован, перебрасывая биту в багажник.

— А ты занимаешься?

Свекольную голову вопрос привел в восхищение.

— Занимаюсь! Гы-гы-гы! Прямо с утра начинаю и пока комиссионеры не кончатся! — повторяла она и тогда, когда они уже мчались по ночному городу.

Вован гнал как сумасшедший. Дряхлая иномарка грохотала и лязгала, крайне удивленная своей прытью. Оглушенный музыкой Антигон подпрыгивал на заднем сиденье, при поворотах врезаясь в дверь, предусмотрительно украшенную наклейкой «Место для удара головой». Раньше Ирке казалось, что подобные наклейки бывают только в маршрутках. Оказалось, что они актуальны везде, где рулят Вованы.

Чтобы никуда не улететь, Ирка упиралась руками в крышу. Она не уставала удивляться, каким образом у спокойной Хаары, которая казалась воплощением порядка и аккуратности, в оруженосцах мог оказаться такой вот Вован. Вот уж точно: противоположности притягиваются хотя бы для того, чтобы дать друг другу в рыло.

Минут через двадцать машина свернула во двор и резко затормозила. Сияющий Антигон перелетел через сломанную спинку сиденья и, чпокнувшись в лобовое стекло, блаженно заулыбался.

— Ну че? Вылазить будем? Приехали ваще-то! — прогудел Вован, с усилием выдавливая наружу свой нехилый торс.

Ирка и сама догадалась, что приехали. Машина стояла в заставленном автомобилями дворе шестнадцатипятиэтажки.

Вован решительно потыкал негнущимся пальцем в кнопки домофона и втиснулся в подъезд. Только в кабине лифта Ирка осознала, какого он громадного роста. Валькирия-одиночка была ему примерно по грудь. Антигон же вообще терялся где-то в нижнем ярусе, как подлесок в глухом бору.

Кикимора, в острой форме страдавшего комплексом Наполеона, данный факт оскорблял. Он пыхтел, подпры-